

Оксана КОТОВИЧ

Обрядовая практика обречения в пространстве сакральной географии Беларуси

Введение

Системный анализ календарных праздников, обрядов семейно-родовой направленности (рождение ребенка, свадьба, похоронно-поминальный цикл), а также ритуальных комплексов окказионального характера (например, остановить затяжной дождь или, наоборот, вызвать дождь после продолжительной засухи и др.) показывает, что практически все они включают в обрядовое поле действий, атрибутов и участников такую важнейшую смыслообразующую составляющую, как жертвоприношение. С. П. Бушкевич в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» совершенно точно отмечает главную идею этого специфического диалога с Небом: «**Жертвоприношение, жертва** — какая-то часть собственности, добровольно передаваемая людьми сверхъестественным силам, и магический обряд, совершаемый с целью умиловления адресата, получения от него помощи, защиты, здоровья и др. жизненных благ или в благодарность за исполнение просьбы».

Так, во время празднования *Коляд* крестьяне стремились найти взаимопонимание с различными силами природы и миром предков. **Первую ложку кутьи** — главного ритуального праздничного блюда, **или киселя** надо было положить на окно или порог (основную контактную зону в доме), чтобы умиловить Мороз. На *Масленицу* в ритуальный костер бросали **блин**: так благодарили Солнце за его поворот на лето, так передавали просьбу предкам о поддержке накануне весенних полевых работ. На *Сороки*, после того как испекли **печенье в виде птиц**, одно из них бросали в печь. Такое действие символизировало благодарность духу печи, домовику, а также предкам, т. к. комин печи — еще один канал связи с душами умерших родственников. *Купальский* костер уничтожал **старые** ненужные, изжитые **вещи** как хозяйственного предназначения, так и личные. Вместе с тем в костер бросали **буханку хлеба, веточки «мая»** (те, которыми украшали дом во время *Троицы*) — это был очередной этап почитания умерших при переходе после летнего солнцестояния на очередной круг зимнего умиротворения. После того как собрали урожай, поле ждало жертву в виде **щепотки соли, хлеба** и так называемой «**бороды**» из **колосьев** нового урожая. Велес как дух земли, как властелин мира предков, как повелитель домашнего скота не должен был остаться без подношения — жертвы — части только что собранного урожая. Люди старшего поколения учили: во время похорон родственники первой и второй степени родства бросают в могилу **несколько монет**, чтобы выкупить для умершего родственника «переправу» на «тот» свет. Самым известным атрибутом (более позднего по времени возникновения) жертвоприношения на сегодня является **свеча**, с которой мы приходим в храм или зажигаем дома.

Как видим, предметно-атрибутивный спектр духовного диалога между живыми и миром предков, человеком и небесным пантеоном был довольно широким и многообразным. Со временем мы упростили эту гамму миропорядка, большей

частью из-за своего незнания, и в обиходе приняли христианский вариант диалога с Небесами.

В традиционной культуре белорусов есть значительное количество праздников, которые создают, по нашему глубокому убеждению, **второй круг обрядово-праздничных событий**. Они меньше известны широкой общественности, география их бытования значительно уже, поэтому их можно назвать своеобразным эпицентром обрядовой практики того или иного **региона**. К ним можно отнести такие ритуально-обрядовые комплексы, как «Ваджэнне і пахаванне Стралы», «Ваджэнне Куста», «Жаніцьба коміна», «Жаніцьба Цярэшкі», поминание «скідышаў», «Прыкладанне камянёў», «Гулянне ў Свячу», а также так называемые престольные праздники. Они отмечались одной или несколькими деревнями, которые образовывали церковный приход. Как правило, в эти праздничные дни устраивали ярмарки. Мария Ивановна и Иван Адамович Солоновичи (д. Любоничи Кировского района Могилевской области) рассказывали о том, что даже после войны жители окрестных одиннадцати деревень сохраняли традицию проведения в течение года кирмашей в дни престольных православных праздников. А жители деревни выступали то радушными хозяевами, которые гостинно приглашали соседей в гости на постой в эти два-три дня, то сами ехали в соседнюю деревню, чтобы что-то продать, что-то купить. Такой же региональной традицией являлось и проведение крестных ходов к святым родникам.

Комплексное, системное исследование праздников так называемого второго плана только начинается. Мы пока что не знаем полной картины их генезиса, не создана электронная карта их ареала бытования, неясны этапы их исторического развития, а самое главное, мы не знаем многих смысловых тонкостей их местоположения в общей структуре национального и регионального традиционного календаря. Какая идеологическая или духовная первопричина лежала в основе социальной востребованности этого уникального явления в данной местности, в данном социуме? При чем насколько широко многозвучие языковых диалектов на территории Беларуси, настолько разнообразна и палитра локально-региональных сакрально-магических практик. Если существовал упорядоченный годовой цикл календарных праздников, который столетиями формировал духовный мир предков, был своеобразным ритуальным скрепом между небесной сферой богов и миром людей, задавал необходимый ритм многоплановой хозяйственной деятельности в соответствии с динамическими изменениями в состоянии окружающей природы, то чем, в таком случае, можно объяснить необходимость вживления в эту многовековую систему ценностей еще одного ритуально-обрядового комплекса? Скорее всего, тем (и это со всей очевидностью покажут дальнейшие целенаправленные исследования), что именно явление «второго круга духовных практик» было той квинтэссенцией, в которой фокусировались фундаментальные основы миропредставления данного социума. И в этом смысле мы вроде бы противоречим сами себе и склонны утверждать, что обряды именно «второго круга» занимали осевое положение в системе мировидения наших предков. Хотя в этом противоречии скрывается еще один аспект понимания сути рассматриваемых духовных практик.

Первое приближение к этому социокультурному феномену дает некоторые основания говорить о том, что эти обряды представляют собой **архаичный слой**, хронологически связанный с **эпохой родового первотворения**, если хотите — **это корневой пласт традиционной культуры**, который берет свое начало еще в глубинах **родоплеменной** структуры развития социума. Мы склонны утверждать, что они были **ключевым ритуальным комплексом цикла** всех календарных празднований одного из Родов, участвовавших в этногенезе белорусской народности, своеобразной духовной формулой ДНК или даже тем божественным геномом, в котором фокусировался **код родовой памяти и принадлежности** и одновременно его своеобразие, неповторимость, уникальность духовной традиции. Вероятно, в **разветвленной системе обрядовых практик существовали**

Колодец в д. Будище Чечерского района.

два приоритетных вектора (вот это обстоятельство и снимает кажущееся противоречие) космопланетарно-го диалога. Один из них был устремлен к пантеону небесных покровителей — Перуну, Велесу, Сварогу, Дажьбогу, Белуну — и фокусировал идеологию космического миропорядка. Другой вектор был обращен к истокам своего РОДА, у основания которого стояли такие представители мира богов, полубогов и героев, как Род, Роженица, Чур-Пращур, Баба Яга, Лада. В наиболее концентрированном (знаковом) виде РОДО-

ВОЙ КОД был зафиксирован в орнаментальном тексте народного костюма. Кстати, в этом контексте более целесообразно использовать белорусскоязычный термин «строй», наряд, за которым сразу же видится родовой космос (в противовес хаосу), родовой миропорядок и мироустройство. Именно поэтому мать жениха в самом конце свадебного торжества маркировала не-Весту (уже Весту-невестку) знаками своего рода (прописывала ее в своем родовом пространстве), повязывая на голову (духовное начало человека) платок и на пояс (физиологическое начало, связанное с продолжением рода) фартук-передник. Мать-Веста, Мать-Роженица вживляла нового продолжателя Рода в энергоинформационное пространство своего родового поместья. Как правило, эта сакральная церемония происходила в священном центре женской полусферы дома — возле печи, которая, по представлениям славян, считалась средоточием жизненных сил (очагом) Рода и проводником (комин) в мир предков. Наши встречи с носителями данной традиции и подробные, детальные рисовки-описания ритуально-обрядовых комплексов регионального традиционного календаря из уст самих носителей со всей очевидностью говорят о том, что именно эти обряды являлись самыми значимыми в системе духовных ценностей населения той или иной исследуемой местности.

Чаще всего **праздники «второго» круга связаны с обычаем обречения**. Необходимо заметить, что эта традиция была представлена в Беларуси довольно широко. **Оброк, обет, завет** — это добровольное обязательство человека или общины, а также **одновременно жертва Богу** в какой-то экстремальной ситуации, причем она может иметь **индивидуальный, семейный, родовой и общинный характер**. Причиной актуализации обрядовой практики обречения могли стать различные факторы: тяжелая болезнь, гибель кого-то из членов семьи, отъезд главы семьи в далекие края на работу, непредсказуемая беда, продолжительная засуха, эпидемия, угроза вражеского нападения.

Несколько лет тому назад Мария Андреевна Хомякова привела нас к колодцу в д. Будище Чечерского района Гомельской области, в границах которого из-под земли одновременно бьет 11 источников. Рядом со срубом, возведенным из пяти сосновых венцов, стоят пять разных по форме крестов, на которых были повязаны более двух десятков оброчных рушников. На наш вопрос: «А зачем люди обрекаются?» — Мария Андреевна ответила: «*Всяко бывает: у кого-то дети болеют, кому-то в чем-то не везет. Вот человек приходит к источнику, повязывает специально вытканый рушник на крест, а про себя проговаривает свое желание. Оно обязательно сбудется*».

Духовные скрепы традиции

Обязательной составляющей оброка было материализованное жертвоприношение: церковная свеча, ритуальная еда (блины, каша, которые в ритуальном контексте чаще всего были связаны с традицией поминовения умерших). Но чаще всего атрибутом-посредником в оброках являлось полотно без знаков орнаментального текста (дома всегда лежал «сувой» полотна, от которого в случае необходимости можно было отрезать какую-то часть и повязать на крест) или рушник, который, напротив, был акцентированно промаркирован геометрическим или растительным орнаментом, а также деньги. К сожалению, у нас пока нет сведений от тех, кто ткал так называемые оброчные рушники: каким магическими текстами заговоров сопровождалось это священнодействие?

На наш взгляд, здесь целесообразно сделать важное уточнение относительно спектра атрибутов, которые фигурировали в обрядовой практике обречения. Если в контекст ритуальной практики включались каша, блины, свеча, то в этом случае речь идет о традиционном **жертвоприношении** (алтайская или другая азиатская культура, культуры народов Кавказа в качестве жертвоприношения использовали самого упитанного барана, на костер бросали самые лучшие куски мяса). Если же женщина приходила к оброчному кресту с домотканым рушником, то ценностное поле диалога имело уже другую идеологическую направленность — это считалось подношением, благодарностью с целью прокладывания пути-дороги Рода в будущее.

Этот атрибутивный круг и контексты его пространственно-временного использования, а также закодированный в орнаменте текст дают возможность говорить о том, что обречение имело сложную иерархию социальных отношений и было направлено как на самосохранение индивидуума (отдельного человека), его семьи (что практически было неделимой единицей, куда обязательно входил тот или иной обречаемый), так и на **СОХРАНЕНИЕ РОДА**. Можно сказать иначе: целью обречения было сохранение **РОДОВОГО ДРЕВА** (зачастую крест как раз и воспринимался символическим воплощением генеалогического древа), а человек, включавший ритуализованную систему жертвоприношения, выступал медиатором-посредником между Родом как социальным образованием и **РОДОМ** как мифологического **ПЕРВОПРЕДКА**, некогда стоявшего у истоков возникновения этого **РОДА**.

В обряд обречения могли быть вовлечены как отдельные лица, так и вся семья, община, деревня (как пространство, объединяющее несколько **РОДОВ** = народ), но чаще всего оброк давался тайно. Люди надеялись, что принесенная ими жертва «наиболее угодна богу» и в таком случае их желание обязательно сбудется.

Временные рамки и периодичность актуализации обречения

Чаще всего к заповедным местам ежегодно шли в установленные в данной местности годовые календарные праздники, а также дни, «*празднуемые по обету: обещанный, обреченные, оброчный день; заповедный, заветный, мирской праздник* (русс.), *праздник наводле заповету* (бел.), *заветина, заветованья* (серб.), *сбор* (болг.)» Наряду с этим причиной обращения человека к традиции обречения могли быть всевозможные непредвиденные ситуации, так называемые «оказии». В исследовании С. М. Толстой «Полесский народный календарь» находим тому подтверждение: «Багата прападала ската, и людзи абракнулися празнавать Багародицу — на восьмы дзень после Петра. И бацюшка правил, шоб дошч шол. Стаяли ля каплицы и не успели дамой прити, як схапилася бура и пашоу ливень»; «Десятуха — аброшний празьник для худобы. Абракалися людзи, шоб худоба не гинула. То десять нядель ат Паски, пьятница той недели»; «Перэплавная серэ-

да — аброчка, шоб дошч ишол и урожай был»; «Тридневка. Бувае, шчо з дещымі непарадок ці што, дак ёго обрекаліся людзе, постилі сухім постом (т. е. дае не пили воды) от вечера чэцьверга аж до рана Вялікодня».

Этнографічныя крыніцы і нашы полевыя даследаванні сведчаюць аб тым, што працягласць наложения на сябе вызначаных паводнёчых абмежаванняў могла быць рознай. У таямным дыялогу з Богам ці найбольш шанаванымі святымі чалавек фактычна сцімаў вакол сябе прастору быцця (т. е. абмежаванне сваёй жыццёвай дзейнасці больш жорсткай шкалай каштоўнасцей імператываў) і задаваў дакладныя параметры часавых абмежаванняў. І хоць тэрміны дзейнасці таямнага дагавора могуць быць рознымі, іх родніла адно важнае абставіна. Чалавек, даўшы аброк у каардынатах сакральнага прастору і часу, т. е. «здесь і сёння», у далейшым, рухаючыся па шкале часу ці перамяшчаючыся па тым ці іншым прастору, фактычна заставаўся ў аболочцы часу абречення. Сутнасць дыялога чалавек з Небесамі неадступна следвала за ім, ствараючы пры гэтым той духоўны аснова, які дапамагаў устаяць на нагах у самых складаных жыццёвых перапынках. Матывацыя запуску механізму традыцыі і працягласць яе вострабавааннасці носіла суб'ектыўны характар і ў многім завясела ад псіхэмацыянальнага складанага. Вероятна, гэтыя фактары сталі пераасновай шырокага дыяпазона вар'іравання працягласці часу абречення: на месяц, год, а іногды на ўсю жыццё.

«Дабрэнная вада з сіняга калодзеса»

Многакратно бываючы ў розных экспедыцыйных паездках па Гомельшчыне, мы не раз слыхалі расказы аб «Сінём калодзесі», які знаходзіцца ў Чечерскім раёне каля д. Будыце. На нашы пытанні аб тым, як к яму можна папаць, гаворылі, што прайсці туды можна толькі летам, калі ўыходзіць вешняя вада. Калі мы прыехалі ў дэвонку з групай беларускага тэлебачання і пачалі ўгаварываць мясцін жыхароў стаць праводнікамі, усе адказваліся наотрез. І толькі пасля доўгіх угававаў сагласілася паказаць дарогу адна мясцін жыхарка. Конечно, слова «дарога» ў даным кантэксце звучыць вельмі ўсловна. Перад намі была рака, якую мы пераадолялі вброд, за яе болота працягласцю не менш аднаго кіламетра, а далей краі ляса. Жыхарка паказала рукой: вот там і знаходзіцца «Сіній калодзесь». Наш шлях па болоту паказаўся вечнасцю. Аднак калі мы, нарэшце, асталяваліся ў краі вады, усе затыхлі ад увідзенага. Перад намі было невялікае, круглае па форме озерца дыяметрам метраў трыццаць. У левай яго кромкі вада казалася неестественно сінёй. Жыхарка падвела нас к гэтай мясціне, і мы увідзелі тое чудо, рады якога стоіла трыпаць болотнае іспытанне. Довольна чётка віднеліся ачертанні углыблення-калодца, вада была настолькі чыстай і празрачнай, што кантур калядца віднелся на глыбіню метраў тры, калі не больш. Праз вызначаны інтэрвал следвалі па кантуру белыя меловыя кольца, якія фактычна і надавалі ваде неабычны колер. Мясцін жыхарка расказаў, што калі-то мужчыны рашылі вызначыць глыбіню прыроднага калядца. Апусцілі адну жерць, но до дна не дасталі, прывясцілі другую, і зноў дна не было. Пасля гэтага так і сталі гаворыць: калядец без дна. Далей яна зачэрпнула вады з калядца, папробавала і сказаў: «А вада тут дабрэнная, дабрэнная!»

Аднак аказалася, што «Сіній калодзесь» — гэта не толькі прыроднае чудо. Непадалеку ад родніка знаходзіцца чудо, створанае рукамі чалавек. Сюды прыходзяць людзі, каб вдалі ад пасторонніх глз памоліцца і совершыць аброк. Рядом з калядцем устанавлены тры аброчных крестаў, увешаных велікім колькасцю рушнікоў, платкоў, кускоў ткані, ленточек, пояскоў. Калі судзіць

о востребованности традиции по количеству принесенных в жертву (или в качестве подношения) предметов, то следует заметить, что социокультурный диалог людей с Небесами в данном регионе занимает, пожалуй, ключевое место в системе календарных обрядовых практик. При этом когда-то региональный объект сакральной географии стал настолько притягательным центром духовного единения, что сюда приходят паломники не

Оброчные кресты у «Синего колодца».

только из соседних районов России, но и других стран. Рядом с крестами стоит несколько столов, на которых под многочисленными скатертями и рушниками лежит довольно много денежных купюр: белорусских, российских, а также украинских, литовских, польских... как благодарность чудодейственной воде «синего колодца». Чаще всего сюда приходят жители окрестных деревень для свершения молебна и выполнения обряда «Оброк» на Яблочный Спас (19 августа).

Объект сакральной географии белорусско-российского пограничья представляет собой двусоставный комплекс. С одной стороны, его первичную основу составляет природное «место силы», рядом с которым возник центр духовного притяжения. Таинство бездонного «колодца» (а в традиционной системе представлений он соотносился с каналом родовой связи между миром живых и миром предков, недаром один из видов колодца назвали «журавель») стало символической основой таинства обречения. Приходя в это место уединения, человек как будто выпадал из повседневного бытия, проходил ритуал очищения водой святого источника и оказывался в пространстве инобытия, которое способствовало духовному катарсису и налаживанию диалога человека с Богом, божествами, основателем своего Рода, пантеоном святых или с кем-то еще, известным только этому пришедшему. **Человек обречался, оформляя суть своего действия в словесную оболочку.** Казалось бы, этого ритуального текста было достаточно, чтобы активизировать канал двусторонней связи между небом и землей. И тайное осталось бы таковым. Однако, оказывается, этого было мало, нужен был еще и материализованный знак тайнобытия. На крест как символ Мирового Древа и Древа Рода **человек повязывал рушник**, который фактически и являлся воплощением судьбы Рода, его земного Пути, дороги из прошлого в будущее, Дороги Познания, покаяния, Дороги к Храму. Нашим современникам сложно понять эту философию познания мира, а для человека традиционного общества подобный сакральный локус был тем же, чем в сказках являлся камень Алатырь, остров Буян, Дуб, возле которого непрестанно горел Родовой костер — центр Миров-Здания, центр Миров-Творения. А оказавшись в этом центре, человек мог проникать и во время перво-Творения, т. е. в те времена, когда болезней не существовало. На этом принципе трансцендентности основано использование заговоров в практике народного целительства.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Если причиной обречения оказывалась болезнь, то, как правило, частью жертвоприношения становилась какая-то часть личной одежды человека, которую повязывали вблизи оброчного креста на дерево или довольно часто на сам оброчный крест. Одежда воспринималась физическим продолжением самого человека и своеобразным энергетическим вместилищем его болезни. Принесение одежды в жертву становилось фактором условной переадресации недуга священному объекту, т. е. болезнь не столько «растворялась» в святом источнике, сколько перемещалась из больного в пространство целебного родника. Если через некоторое время происходило чудодейственное исцеление, то обречение повторялось через условно оговоренное время, но в качестве жертвоприношения-подношения оказывался «сувой», «убрус» или что-то иное. О жертвоприношении-подношении в виде куска ткани, так называемом «убрусе» (позже рушнике), которое следовало повязать на сакральное дерево, говорится в житии Константина Муромского: «Дуплинам деревяным ветви убрусцем обвешивающее и сим поклоняющиеся».

В русской традиции, в частности в Архангельской губернии, некогда существовал необычный обряд жертвоприношения, который был обращен в перспективу и имел двухплановый характер продолжения: «Больного ребенка клали на стол и разрывали над ним полотно на две части, «давали обет»: если выздоровеет, то пеленку повесят на крест, если умрет — то накроют ею гроб».

Каменная девушка

В 2004 г. в ряде деревень Лельчицкого района мы записывали видеоматериалы для фильма, посвященного обрядовым практикам проводов зимы и встречи весны. В д. Новое Полесье мы зафиксировали обряд «Проводы зимы», который приурочен к празднованию Громниц, а затем должны были отправиться в д. Тонез, чтобы отснять материалы второй части фильма. Когда мы собирались уезжать из д. Новое Полесье, женщины пожелали нам доброй дороги и предложили по пути заехать в д. Данилевичи и поклониться «каменной дзевачке». Мы проехали всю деревню, зашли в крайнюю избу и попросили провести нас к необычному камню. Оказалось, что местная достопримечательность находилась неподалеку от деревни. Мы увидели небольшой каменный крест (высотой около 60 см), на котором было повязано не менее пятидесяти небольших фартушков. Примерно такое же количество фартушков лежали в весеннем снегу рядом. Крест-девушка был огорожен невысоким забором, частично стгнившим от времени. Женщина рассказала красивое по содержанию местное предание, повествующее об истории возникновения этого каменного креста: Мать с дочерью собирали в копы высушенное сено. Из-за горизонта начала выплывать огромная дождевая туча. Мать торопилась и попросила дочку тоже поспешить. А та как будто и не услышала слов матери. Мать второй раз попросила дочь работать быстрее. Однако дочь и далее проявляла свою нерасторопность. Тогда мать в сердцах произнесла: «А штоб ты скамянела!» Раздался мощный раскатистый удар грома, и в мгновение ока девушка превратилась в камень.

С давних времен этот камень-девушка стал объектом поклонения. Женщина обратила наше внимание на то, что крест имел спереди две небольшие выпуклости, которые напоминали грудь. Если в Украине в Переяславль-Залесском мы видели множество «каменных баб», у которых были большие отвисшие животы и большая грудь (что следовало понимать как символ женщины, родившей много детей), то у лельчицкой «каменной девушки» грудь была девичьей, т. е. той, которая еще не кормила ни одного ребенка. Однако получилось так, что этот объект сакральной географии оказался в центре внимания женщин данного региона,

которые в течение многих лет по разным причинам не смогли забеременеть и родить ребенка. Соответственно, местное предание получило позднее продолжение, которое свидетельствует о том, что к кресту началось паломничество. В пасхальную ночь к кресту старались прийти незамеченными женщины для проведения таинства обреkania. Каждая из них повязывала на крест символ женщины — фартушек. Предание говорит о том, что камень-девушка уже много раз «выполняла просьбу» обрекавшихся. Семантический горизонт предания понятен и логически выдержан: та, которая не успела родить из-за материнского проклятия, делится своей репродуктивной способностью-потенциалом с другими.

Позже мы совместно с первым Национальным каналом белорусского телевидения подготовили фильм «Первый элемент», а также сделали несколько публикаций в республиканских изданиях и тем самым непроизвольно расширили круг заинтересованных людей, которые

Камень-девушка в д. Данилевичи.

пожелали совершить оброк у этого креста-девушки. Через несколько лет мы снова посетили д. Данилевичи. Место нахождения сакрального объекта было не узнать. Вокруг него возвели новую красивую изгородь, поставили большую беседку, дорожку к кресту уложили плиткой. Узнав о нашем приезде, сюда потянулись многие местные жители. Наперебой они с нескрываемым удовольствием рассказывали о том, что теперь к ним приезжают «со всего света». И как знак особого уважения и почитания было свидетельство того, что этот «объект сакральной географии Беларуси» навестил посол Израиля в Беларуси.

Итак, самыми распространенными локусами для выполнения обряда обреkania становились водные источники (родники, колодцы), камни, «особенно напоминающие фигуры животных или людей, камни с надписями или знаками, похожими на след ноги или руки человека», а также деревья, «как правило старые, огромные, одиноко стоящие в поле, а также растущие на кладбищах, в культовых и исторических местах».

Оброчная Свеча

В 2004 г. в д. Перелевка Ветковского района мы познакомились еще с одним вариантом бытования обряда обреkania, главным объединяющим атрибутом которого оказалась свеча, ее масса достигала 4 кг, а высота — около пятидесяти сантиметров. Внешне она напоминала девушку (это случайность или какая-то закономерность: камень-девушка, свеча-девушка), одетую в «плацця і нарады».

которые следовало обновлять каждый год «на Ушэсце», т. е. *Вознесение*, сороковой день после *Пасхи*.

По мнению старожилы деревни, этот обряд существует уже несколько столетий, однако в начале XX в. он начал постепенно угасать. Во время Великой Отечественной войны практика была возобновлена, и обычай сохраняется до настоящего времени. Предыстория его такова. Сын одной из местных жительниц некоторое время служил у немцев в полиции. Партизаны расстреляли его на окраине деревни. В тот же год мать убитого парня попросила односельчан совместно сделать оброчную свечу, чтобы больше в этой деревне не погибали мужчины.

С той поры свеча значительно выросла в размерах. Ежегодно на *Вознесение* семья, в которой она находится, приглашает односельчан на празднично-оброчный стол. Когда мы оказались в д. Перелевка, нам пояснили, что свеча гостит уже несколько лет у одних и тех же хозяев. Оказалась, ее перенесли сюда от прежних хозяев в тот день, когда муж решил повеситься. И вот уже третий год подряд в благодарность за спасение мужчины этого Рода в доме служат довольно продолжительный, длящийся не один час молебен в честь Вознесения Господня, а после хозяева накрывают щедрый стол, добросовестно выполняя условие оброка. Хозяева с гордостью говорили, что к этому дню закололи свинью и бычка, чтобы всем хватило «присмакаў». В этих действиях семейного микросоциума отчетливо просматривается проявление обряда жертвоприношения, которое совершали наши предки. По словам российского исследователя О. В. Беловой, «откормить по обету домашнее животное (корову, овцу, быка) и пожертвовать его церковному причту — «Богу» и общине — «в казну». На вопрос, как долго свеча будет находиться в этой семье, нам ответили: *«Если кому-то из мужчин в другой семье понадобится помощь, свечу перенесем туда»*.

Варваровская Свеча

В последующие годы нам довелось фиксировать существование древней традиции обречения в ряде районов Могилевской области. В 2010 г. в д. Бастеновичи Мстиславского района мы познакомились с обрядом, который здесь получил название «Варваровская свеча». Мы приехали в деревню и направились к местному «очагу» культуры, но дверь в клуб была заперта, а на приколотом к ней тетрадном листке было написано: «Пайшла гуляць у свячу».

Обряд «Свеча» — это форма коллективного обречения. В д. Бастеновичи она объединяет представителей восьми семей. В качестве небесного покровителя некогда была избрана св. Варвара, день почитания которой приурочен к 17 декабря. Присутствующие женщины, воссоздавая цепочку событий, связанных с судьбой нескольких семей и представителей разных поколений, пришли к выводу, что свеча существует в деревне с 1905 г., т. е. этой свече примерно 112 лет. Однако что стало первопричиной возникновения традиции чествования оброчной свечи, к сожалению, сегодняшнее поколение сельчан уже не помнит. Вместе с тем послевоенная история ее переходов из дома в дом хорошо известна всем.

Обряд отличается своей неповторимостью, характером включенности многочисленных деталей, кругом участников и довольно четкими правилами, выполнять которые следует неукоснительно, например, участвовать в обряде могут только женщины. При этом местная жительница Ю. А. Шумянцева заметила, что некогда в их деревне была и «Никольская свеча», вокруг которой группировались деревенские мужчины. Однако с течением времени мужской оброчный союз распался и дальнейшая судьба самой свечи неизвестна.

Основной постулат взаимоотношений участников обряда — сообща прийти на помощь одному из членов союза, если случится какая-либо беда или

хозяйку ждет тяжелая работа, выполнить которую одной невозможно. Женщины знают далеко вперед ту очередность, в соответствии с которой «Варвара» придет в их дом. Исключения составляют только два обстоятельства. Первое из них — если в союз будет принят кто-то еще, то на следующий год Свечу переносят в их дом. Второе — если в чей-то дом придет большая беда, то общим решением Свеча может нарушить хронологию запрограммированных событий.

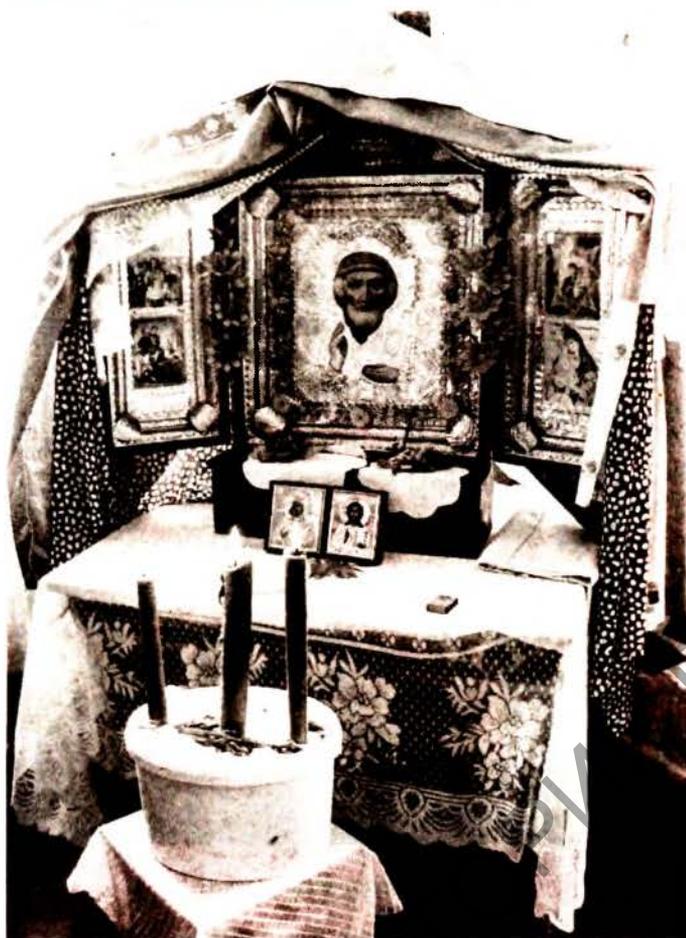
Несколько слов о том, что собой представляла сама свеча. Некогда у истоков свечного союза стояла обычная свеча, которую умеет сделать каждая деревенская женщина. Однако с каждым годом она постепенно увеличивалась в размерах. Женщины раскатывали воск, предварительно разогрев, в большой «блин». Затем этот блин накладывали

«Варваровская свеча».

на остов свечи, поэтому как по кольцам дерева можно было определить, сколько ему лет, так и по кольцам-«блинам» также можно было установить возраст местного сакрального атрибута. Со временем остов свечи напоминал форму вытянутого бочонка. На него сверху крепили еще три довольно большие свечи. Одна из них — самая массивная — крепилась по центру и символизировала голову девушки-свечи, две другие, чуть поменьше, крепили по обе стороны, напоминая «руки». Поскольку небесным покровителем Свечи была избрана св. Варвара — по преданию, небесная невеста Христа, — и изваяние Свечи должно было напоминать девушку. А посему ежегодно для небесной невесты должны были приготовить новое платье. Ранее мы фиксировали, что новые оброчные фартушки, платьица, рушники надевали, повязывали на старые, но тут старое платье снимали и надевали новое. Над головой «невесты» крепили «фату», созданную из дугообразной проволоки, украшенной бумажными цветами, подпоясывали свечу поясом красного цвета. Далее именно за этот пояс все участники обряда будут привязывать свои пояса-ленты, загадывая самые сокровенные желания. Украшенную и обновленную Свечу-невесту ставили на стол или стул рядом с именной иконой, женщины размещались напротив и некоторое время пели церковные псалмы, в которых речь шла о земной жизни небесного покровителя.

После этого накрывали хлебосольный стол, за которым участники рассаживались по возрасту — от старших к младшим. На наш уточняющий вопрос хозяйка ответила, что по характеру проведения, по соблюдению правил обрядового этикета, по эмоциональному настрою этот ритуал относился к разряду поминальных. А потому чокаться, как это принято за праздничным столом, никто не будет.

«Никольские свечи».

После ритуального застолья, которое длилось не один час, участники обряда стали «собирать» Свечу-Варвару в дорогу, было видно, как загрустила хозяйка дома, та, у которой свеча находилась весь год: *«Конечно, переживаю, я со свечой и сжилась, и помощи просила, и новости рассказывала, а теперь как...»* Участники обряда оделись, взяли в руки Свечу-Варвару, икону, трижды обошли с этими святынями семейный стол и вышли из дома, чтобы перенести этот сакральный атрибут в новое место пребывания, к новой хозяйке.

Назавтра утром все участники снова собрались, чтобы отвезти Свечу-Варвару на освящение в церковь г. Мстиславль, а затем вернулись в деревню и направились в тот дом, который на весь следующий год

станет обладателем самого необычного обрядового атрибута. Дом, в котором будет находиться Варваровская свеча, станет своеобразным местом паломничества. Сюда в любое время дня может зайти член союза, которому нужна помощь Небес, а дом на ближайший год станет эпицентром деревенского бытия, центром духовного и душевного притяжения, станет Домом светлой Надежды, Радости, Вселенского единения. Одновременно он будет священной мельницей, в пространстве которой будут перетираться судьбы тех, кто различными узами связан с мудрыми женщинами, давшими оброк ради счастья в их доме, семье и всей деревне. По большому счету — это жены-мироносицы, которые сподвигли свою жизнь во благо своих ближних. И только один Бог знает, какими заветами они связали себя с Небом, на какие жертвы они пошли ради мира и благоденствия в одной отдельно взятой деревне. Именно так: Свеча никогда и ни под каким предлогом не покинет эту деревню. И даже разрешая женщинам из других деревень присоединяться к необычному союзу, обладатели земной Варвары предупреждают: *«Свеча наша и таковой будет всегда».*

В д. Черепы Шкловского района местные жители группируются вокруг трех существующих сегодня Никольских свечей, празднование в честь которых начинается вечером 18-го и заканчивается 20—21 декабря, т. е. на Зимнего Николая.

Идея объединения в основе образования женского или мужского союза и группирования его вокруг оброчной свечи сама по себе не новая. Она довольно широко представлена в философии народного осмысления общественного быта. Сообща, толокой строили дом, жали жито, выбирали картофель, вывозили навоз,

заготавливали дрова. Вся деревня помогала проводить человека в последний земной путь, всей деревней ладили свадьбы и т. д.

Однако современное состояние традиции постепенно приводит к тому, что один из некогда ключевых принципов объединения в союз уходит в прошлое. Хотя Свеча посвящена Николаю Чудотворцу, т. е. в основе своей она мужская, но сегодня в этом обряде принимают участие и женщины. Вместе с тем гендерный подход сохраняется в характере размещения участников за праздничным столом. Это обстоятельство еще раз подтверждает, что проведение «развітальнага» стала покоится на принципах традиционных поминальных ритуалов. В этом случае снимается критерий родственных отношений (т. е. муж и жена сидят плечом к плечу), и мужчины садятся по правую сторону стола («бліжэй да вулицы»), женщины — напротив них («каля печы»).

В соседней Брянской области **формой оброка выступало выпекание ритуального хлеба**. Во время войны в деревне по всем дворам собирали понемногу муки, после молебна вдовы выпекали из этой муки три каравая, один каравай делили на маленькие кусочки и раздавали всем, кто давал муку, а два каравая уносили в соседнюю деревню. Там действия повторялись. Выполняя эти обрядовые действия, люди были уверены, что как только эти булки хлеба достигнут линии фронта, война закончится.

Своеобразной формой оброка в тяжелых, экстремальных условиях жизни становилось переписывание так называемых святых писем. Чтобы усилить или ускорить желаемое, письмо нужно было переписать 6 раз. Считалось, что когда такое письмо перейдет линию фронта, война повернет к своему завершению.

Сегодня мы обладаем двумя такими артефактами нашей народной традиции и культуры. Один из них — так называемое Святое письмо, которое было переписано Надеждой Михайловной Куцко, проживавшей в д. Вулька Абровская Ивацевичского района Брестской области. Тетрадка переписывалась в 1942 г. в партизанском отряде. Двенадцатилетней девочке было сказано, что владелец такой тетради получает в руки своеобразную «охранную грамоту», которая сбережет и от вражьей пули, и от беды-злодейки... От первой до последней страницы тетрадь исписана библейскими текстами, молитвами и заговорами.

В 2010 г. мы познакомились с историей еще одной семьи. Как рассказала Тамара Янель,

Письмо нашего господа Тринадцатые дни
 Января 1. 9. 11. 12. 18. 26. февраля 1. 8. 16. 17. Март
 1. 12. 15. 18. Апрель 1. 12. 15. Июнь 12. 17. Июль 1. 13.
 18. 19. Август 1. 13. 17. Сентябрь 12. 15. 15. 18. 30.
 Октябрь 11. 15. Ноябрь 17. в году 35 дней несчастлив.
 Если ветки дни свернутся по редко выдвора-
 ливаются дети которые ветки дни рож-
 то долго не живуть а если они
 чини ветки то некоем... года котор
 дни...
 а если дни нешто семена неужно сеять
 з этих дней есть совсем несчастлив
 имено 1 марта года продох нашего
 востода Иосифа Христа по Августе Бог
 создал с неба нечестных дуаов. 14 августа
 вора содеян и галера которая ветки дни
 едят... то умиротворить страсной страт
 ьмо писомо моего рад... Избегайте
 и грехов вразначные дни не...

Святое письмо, переписанное Н. М. Куцко.

1

Святное письмо.

Из книги древних рукописей Благовещенья
 Ангелина да не ведила до мого отца и сына
 святого духа аминь. Когда Нюс Архистое
 стала во святых сватках, отец
 проса вил ина, твое когда пришел к тебе,
 Вараде уелница говорила это прои
 друга говорила ан. а шаломный,
 Нюс на это сказала не для меня был толи
 сей а для народа и шила. Уелно говору
 вам кто соборался с вами толи не
 видит смерти во дни праске не блудит
 в ад вечный. Уо пап Нюс дал во древе
 нита так и сн. абызгалли. Дел во
 древе злати три днэ и три нощи. Когда
 Иоан Архистое уезд в те мизы
 уелница в уста Архистова послал уелно в
 своея спросит ты не тот нелетом делал
 притом или ожеждать ^{ка} дурного. У
 казал ии Нюс в ответ почитати

Святное письмо Т. Янкель.

кания в Беларуси: индивидуальные, семейные, коллективные, созданные по гендерному принципу и объединенные в устойчивый союз. Вместе с тем традиция знает еще одну форму коллективного обречения, когда обрядовая практика объединяет практически весь деревенский социум. В этом случае стержневым началом коллективного единения становится все тот же рушник, однако процесс его со-Творения принципиально отличается от ткачества всех остальных домо-тканых рушников. Подобный тип обречения получал новую жизнь в том случае, когда наступала длительная засуха, была угроза эпидемии или какой-то еще беды для всего деревенского сообщества.

Как правило, женщины должны были предварительно распределить между собой все обязанности и договориться, в чьем доме буду ткать рушник. В условленный день еще до восхода солнца деревенские женщины сходились в какой-то определенный дом, принося с собой часть пряжи, и в течение светлой части суток нужно было соткать рушник, который и назывался «рушник-абыдзённик» (сотканный за один день). После завершения процесса рукоделия совершался коллективный обход деревни, а затем его водружали на крест, который стоял в середине деревни на перекрестке дорог; несли в церковь к определенной иконе; могли повесить на воротах; но чаще всего обходили с ним всю деревню.

Известен еще один вариант финальной части обряда. Рушник, который должен был «принять» на себя болезнь, проговариваемое несчастье, мысли о засу-

ее мама, а также сестры и брат, до 1943 г. проживали на хуторе Ясы Мядельского района Витебской области. В этом же году вся семья была вывезена сначала в Германию, а затем в Австрию на принудительные работы в качестве чернорабочих и освобождена в 1945 г. По словам Ангелины Константиновны, все дети остались живы благодаря тому, что их отец, которого взяли «в обоз» перед тем, как отправить детей в Германию и которого они больше не видели, дал в дорогу каждому ребенку «святное письмо». Оно появилось в деревне в 1941 г., и дед старательно переписал его. Ангелина Константиновна, как и ее сестры, носила сложенное квадратиком и прошитое нитками письмо в районе сердца всю войну.

Мы рассмотрели различные по форме ко-операции практики обре-

хе, других стихийных бедствиях и т. п., уничтожали: разрывали на продольные куски; сжигали; закапывали; после освящения в храме «распускали» и целостной нитью опоясывали всю деревню.

Считалось, что участие в обряде обречения женщин-вдов, т. е. тех, которые уже, как говорили в народе, «настрадаліся ў адзіноце», принесет успех в задуманном и всем окружающим: «У нас у Чолхаве эта десятая пятница ат Паски аброчная, святая. Калісь Господь церков запаліл. Обрякнулись. Колодец был. У десятую пятенку эту готовили, абедали там, круг няго... Вдовки скинуцца и здзелаюць абед. Штоб Господь памагал».

В 2014 г. мы стали очевидцами крестного хода к святому источнику в д. Горы Краснопольского района. После освящения родника кто-то из присутствовавших пожелал испытать глоток ледяной воды, кто-то стал ею умываться, кто-то опускал в купель младенцев, кто-то наполнял пластиковые канистры, чтобы взять воду домой. Рядом с источником стоял крест и росли две небольшие березы. Несколько женщин стали повязывать и на крест, и на деревья разноцветные ленточки. Понятно, что в канву ритуала освящения источника был включен и ритуал обречения. Хотелось бы отметить, что подобная традиция характерна для культур многих народов мира. Так, во время нашего пребывания в Феодосии местные друзья пообещали отвезти нас в «столицу коньяков» — Новый Свет. Когда по серпантину мы спускались с горного перевала, то увидели два дерева, которые были полностью перевязаны тысячами и тысячами разноцветных лент. Мы остановились и также отметили факт своего пребывания небольшими полосками ткани.

Проанализировав функции только некоторых вариантов обрядовой практики обречения среди белорусов и ближайшего пограничья, понимаешь, что на самом деле их вариативность гораздо больше и пока не изучалась всесторонне, хотя уже давно заслуживает специального комплексного исследования.

